

УДК 93

«ХУЖЕ ВРАГА...»: ДЕЗЕРТИРСТВО В СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Евгений Федорович Кринко,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Южный научный центр РАН
Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону
E-mail: krinko@mail.ru

В статье рассматривается «дезертирство», как криминальная стратегия выживания советского человека накануне и во время Великой Отечественной войны. Раскрываются причины и последствия уклонения от воинской службы, а также основные направления и результаты борьбы с дезертирством.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная служба, дезертирство, Красная армия, стратегия выживания.

Дезертирство – самовольное оставление военнослужащими своей части или места несения службы – существовало всегда, невзирая на жестокие наказания, а в условиях создания массовых армий на мобилизационной основе приобрело широкомасштабный характер. В годы Первой мировой войны в русской армии только официально было зарегистрировано 365 тыс. дезертиров. «Незарегистрированных» дезертиров насчитывалось еще 1,5 млн чел., а их общее количество составило почти 1,9 млн чел. или более 12 % от общей численности призванных в армию в 1914–1917 гг. [1]. Необходимо отметить, что основная масса военнослужащих дезертировала уже в 1916–1917 гг., в условиях нарастающей революции и развала армии, сопровождавшегося упадком воинской дисциплины.

Огромный размах дезертирства сохранился в годы Гражданской войны, причем, в вооруженных силах и формированиях практически всех ее участников. В этом сказалась общая усталость российского общества от войны, а также низкий уровень организации и проведения мобилизационных кампаний. Только с 1 января 1919 г. по 1 декабря 1920 г. было выявлено и возвращено на службу в Красную армию 2846 тыс. чел., в том числе 1543 тыс. чел. явились добровольно, а

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

837 тыс. чел. были задержаны при облавах [2]. Хотя советское руководство повело решительную борьбу с дезертирством, ее основными средствами первоначально являлись политико-воспитательные и организационные, а не карательные мероприятия. За семь месяцев 1919 г. из 1,5 млн задержанных «злостными» дезертирами были признаны 95 тыс. чел., из них к расстрелу приговорили 4 тыс. чел., а расстреляли «всего» 600 чел. Судя по документам, не вернулось в действующую армию в 1918–1920 гг. 27,6 тыс. чел. [3].

Уклонение от воинской службы продолжалось и в мирные годы, хотя количество дезертиров стало снижаться. В 1921 г. из Красной армии дезертировали 231 тыс. чел., а в 1922 г. – 112224 чел. [4]. В глазах молодежи служба в армии и на флоте постепенно приобретала популярность как доступное средство приобщения к образовательным и культурным ценностям, необходимое условие социальной мобильности. Для представителей дискриминируемых групп населения («лишенцев» и других лиц, признанных «классово чуждыми») она являлась практически единственной легальной возможностью стать полноправным членом общества.

В то же время часть призывников уклонялась от воинской службы различными способами по разным мотивам. Советская власть признала возможность не служить по религиозным убеждениям евангелистов, баптистов, молокан, меннонитов, духоборов, численность которых в начале 1920-х гг. возросла. В ответ власти стали оказывать давление на их религиозных лидеров, и вскоре молокане, а затем и другие сектанты объявили о том, «что их молодые братья могут служить в Красной армии, но без оружия».

Чтобы повлиять на результаты жеребьевки членам призывных комиссий давали взятки, как деньгами, так и самогоном, продуктами, дефицитными вещами. Размер взяток колебался в зависимости от состоятельности родителей призывника и местности. Но самым надежным способом уклониться от воинской службы являлся «белый билет» – справка о болезни, которую можно было приобрести у членов военно-врачебных комиссий.

В армии также порой формировалось отрицательное отношение к службе. В 1924 г. в сводках о положении в РККА говорилось: «Недовольство вызывается главным образом недостаточным питанием, плохими условиями казарменной жизни и непривычной строгостью дисциплины. Отсюда многочисленные случаи дезертирства, самовольных отлучек, симуляции и самоизувечения, иногда со смертельным исходом...». Случаи членовредительства отмечались практически во всех военных округах. Так, красноармейцы 15-го кавалерийского полка Уральского военного округа Лекарь и Денин с целью освобождения от военной службы влили себе в уши бензин [5]. Способами си-

муляции и членовредительства выступали также искусственное сведение конечностей, выпадение прямой кишки, недержание мочи, грыжи, а также самострелы правой руки [6].

По советскому уголовному праву дезертирство, как уклонение граждан СССР от выполнения конституционных обязанностей по обороне и защите социалистического отечества, считалось одним из самых тяжких воинских преступлений. Однако, не каждое оставление воинской части без разрешения командира квалифицировалось как дезертирство. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжавшееся менее шести суток, при условии добровольной явки признавалось самовольной отлучкой, а в отношении нарушителя применялись правила Дисциплинарного устава РККА. Побегом признавалось самовольное оставление военнослужащим своей части свыше шести суток или неоднократная (не менее трех раз) самовольная отлучка. В качестве дезертирства рассматривались не только побег, но и неявка к месту службы при назначении, переводе, невозвращение из командировки, отпуска, лечебного заведения [7]. В мирное время основным наказанием для дезертиров выступало лишение свободы, в военное время дезертирство в СССР, как и в большинстве других стран, квалифицировалось как измена Родине и каралось более сурово, вплоть до смертной казни.

Несмотря на меры, направленные на укрепление воинской дисциплины в предвоенные годы, особенно после назначения Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко наркомом обороны СССР, ее уровень не соответствовал необходимым требованиям. По данным, приведенным О.Ф. Сувенировым, в первой половине 1940 г. было совершено 3543 дезертирств и 57321 самовольная отлучка, в среднем, ежедневно 19 дезертирств и 315 самовольных отлучек. Во второй половине 1940 г. – 3273 дезертирства и 20429 самовольных отлучек, в среднем, ежедневно 18 дезертирств и 111 самовольных отлучек. В первом квартале 1941 г. – 1022 дезертирства и 4724 самовольных отлучки, в среднем, за день 11 дезертирств и 52 самовольные отлучки. Хотя масштаб дезертирств и самовольных отлучек постепенно сокращался, их общее количество в условиях нарастания угрозы новой войны для СССР остается впечатляющим. Всего за 15 последних предвоенных месяцев было совершено 7838 дезертирств и 82474 самовольных отлучки [8].

Начало Великой Отечественной войны вызвало настоящий подъем патриотических настроений. С первых ее дней многие советские граждане добровольно стремились попасть на фронт. По неполным данным, всего в 1941–1945 гг. в военные, советские и партийные организации было подано более 20 млн заявлений от граждан СССР с

просьбой о зачислении их в действующую армию [9]. В то же время массовый характер в годы войны приобрели дезертирство и уклонизм от военной службы, что позволяет рассматривать их в качестве распространенных криминальных стратегий выживания советского человека. При этом, в отличие от добровольческого движения, дезертирство было и во многом остается одним из самых неизученных «белых пятен» истории Великой Отечественной войны. Данный проблеме не было посвящено ни одного специального исследования в советской историографии, а сам термин «дезертирство» отсутствовал в справочных и энциклопедических изданиях, посвященных войне. Только в последние годы появились специальные публикации, вводящие в научный оборот отдельные сведения по проблеме. Однако, до сих пор большинство материалов засекречено, что не позволяет воссоздать в полном масштабе картину рассматриваемого явления.

Главной причиной бегства солдата с поля боя обычно является страх, заставляющий его забыть обо всем – чувстве долга, служебных обязанностях, боевых товарищах, начальстве, собственной семье. Российские исследователи первых десятилетий XX в. считали, что переживания человека в бою приобретают даже не психологический, а физиологический характер, поскольку бой не только требует физического напряжения, но и вызывает реакции, подавляющие многие нормальные функции [10]. Особенно острый страх человек переживает в первом бою: тревожные эмоции многократно усиливает новизна и первичность впечатлений.

Причинами дезертирства также выступают тяготы воинской службы, злоупотребления командиров, обстоятельства личного (психологического) характера (тоска по дому, неразделенная любовь, болезнь или смерть родственников и т.д.). Эти причины и сегодня нередко обуславливают бегство из армии солдат срочной службы. В то же время неуставные взаимоотношения между военнослужащими («дедовщина»), ставшие одной из главных причин дезертирства на современном этапе, в годы Великой Отечественной войны не играли большой роли. Напротив, сейчас практически утратили свое значение широко распространенные в 1941–1945 гг. политические причины дезертирства, связанные с недовольством советской властью у части граждан, прежде всего, коллективизацией и раскулачиванием, антирелигиозной и национальной политикой, массовыми репрессиями.

Неудачное для Красной армии начало войны, сопровождавшееся огромными потерями в живой силе и технике, разгромом и окружением десятков войсковых соединений, паникой и хаосом в управлении, предопределили появление значительного количества дезертиров с первых дней боевых действий. Всего за несколько дней, с 29 июня по 1 июля 1941 г., только в 6-м стрелковом корпусе особый отдел

Юго-Западного фронта арестовал 697 чел. по обвинению в дезертирстве. К 3 июля с начала войны в 6-м стрелковом корпусе было арестовано уже 5 тыс. дезертиров [11].

16 июля 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление, в котором отмечалось, что части Красной армии «в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей». Наряду с этим, впервые с начала войны официально признавалось, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником». В постановлении сообщалось об аресте и предании суду военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» 9 командиров и политработников. В обоснование этих и подобных им мер говорилось: «Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом» [12].

В воспоминаниях Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского отмечается «немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя. Вначале появились так называемые “леворучники”, простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться “праворучники”, проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой». По словам мемуариста: «Случалось и членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки. Вскоре вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, “самострел” и неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление шкурникам становилось не только излишним, но и вредным» [13]. Но даже самые суровые меры не могли остановить нараставшую волну дезертирства. К 20 июля 1941 г. особые отделы НКВД задержали 103867 бойцов и командиров, отбившихся от своих частей. Большинство из них, пройдя проверку, вскоре отправились обратно на фронт [14].

Массовость дезертирства была прямым следствием успешного продвижения войск противника, особенно его танково-механизированных соединений, вызывавших «танкобоязнь» у части красноармейцев. Красноармеец 161-го кавалерийского полка 56-й кавалерийской дивизии Кривошеин при виде немецкой бронетехники прострелил себе левую руку и поднял крик: «Танки!». За создание паники он был расстрелян [15].

Уже само тревожное ожидание боя приобретало невыносимо тяжелый и томительный характер для человека, вызывая повышенную внушаемость, подавляя волю к сопротивлению, создавая невыносимую психологическую ситуацию, требовавшую хоть какого-то выхода. В результате панике поддавались не только рядовые бойцы, но командиры. Так, командир саперного взвода той же 56-й кавалерийской дивизии младший лейтенант Копылов, кандидат в члены ВКП(б), в ночь накануне боя 16 октября 1941 г. распустил свой взвод, а сам дезертировал [16].

Военнослужащие бежали не только с фронта, но и по пути на фронт, как из действующих, так и из тыловых частей РККА, во время отпуска и из госпиталей. Бежали в одиночку и небольшими группами, реже случались массовые побегі. Часто побегі были связаны с пребыванием военнослужащих в непосредственной близости от мест своего проживания. Так, 22 сентября 1941 г. начальник политотдела 35-й кавалерийской дивизии батальонный комиссар Бударин, обращаясь к начальнику Багаевского районного отдела милиции Ростовской области, писал о самовольном оставлении части 7 красноармейцами 162-го кавалерийского полка, призванными из данного района. Он просил «произвести розыск» данных красноармейцев и сообщить о его результатах [17]. По истечении положенных шести дней командование дивизии просило секретаря Багаевского райкома ВКП(б) «принять самые энергичные меры по розыску этих дезертиров, немедленному преданию их суду и ускоренному ведению судопроизводства» [18].

Под влиянием тяжелых поражений лета 1942 г. был издан специальный приказ наркома обороны СССР № 227, получивший название «Ни шагу назад!». Он запрещал отступать частям и подразделениям Красной армии без соответствующего приказа высшего командования. Главными мерами укрепления дисциплины в войсках стали заградительные отряды и штрафные части. Впрочем, заградительные отряды уже с июня 1941 г. создавались в РККА с целью «беспощадной борьбы со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 001919 от 12 сентября 1941 г. потребовала создать в каждой советской стрелковой дивизии загради-

тельные отряды численностью не более батальона из расчета одной роты на стрелковый полк с целью не допускать самовольного отхода частей. Они подчинялись командиру дивизии и комплектовались из обычных красноармейцев, имели на вооружении танки или бронемашины. В отличие от них заградительные отряды НКВД, в основном, вели борьбу с немецкими диверсантами и шпионами, дезертирами и другим «преступным элементом» в армейском и фронтовом тылу.

Похожие функции выполняли созданные по приказу № 227 армейские заградительные отряды, располагавшиеся непосредственно за боевыми порядками воинских частей и призванные не допустить паники и массового бегства военнослужащих с места боя. При этом они являлись штатными подразделениями РККА, а их начальниками назначались оперативные работники особых отделов. Командующие фронтами стали издавать собственные приказы о формировании данных подразделений, даже не дожидаясь утверждения их штатов. Выполняя свои задачи, заградотряды могли открыть огонь над головами красноармейцев, бежавших с поля боя, и даже расстрелять отдельных военнослужащих перед строем.

Принятые меры сыграли определенную роль в укреплении воинской дисциплины, но не могли кардинально изменить ситуацию. Член Военного совета Северо-Кавказского фронта Л.М. Каганович 13 августа 1942 г. писал И.В. Сталину о том, что, «как только противник прорвет фронт, хотя бы тремя-пятью танками в одном месте, то паника начинает охватывать ближайшие к прорыву части, и после некоторых боев эти части начинают отступать». Л.М. Каганович подчеркивал, что «мы направили главные силы на оздоровление дисциплины и морально-политической устойчивости командиров в соответствии с вашим приказом, улучшили работу суда и прокуратуры, расстреляли перед строем 37 дезертиров, разослали непосредственно на передовые линии 200 политработников, вызывали для разговора некоторых командиров и политработников, сами выезжали в части на позиции, однако результаты пока плохие. Нужна упорная и большая работа и борьба, чтобы оздоровить в первую очередь командно-политический состав, часть которого больна танкобоязнью, паникерством и отступленчеством». В заключении он сообщал: «Мы сейчас вылавливаем всех дезертиров, из отходящих групп сформируем новые части и штрафные роты». Но, хорошо понимая, что одних призывов и расстрелов недостаточно, писал: «Я очень прошу вас, т. Сталин, помочь нам снарядами, об этом мы писали, помочь нам танками» [19].

Следует указать, что часть призывников и военнообязанных граждан, уже имевших на руках мобилизационные предписания, в условиях немецкого наступления в 1941–1942 гг. просто не смогла вовремя

эвакуироваться, став дезертирами и уклонистами «поневоле». Например, систематический вывод военнообязанных и призывников с территории Краснодарского края начался только 6 августа 1942 г., когда на нее уже вторглись войска противника. В результате военное командование несколько раз меняло маршруты и способы отправки колонн военнообязанных. Ценой невероятных усилий удалось вывести около 80 % от 103 тыс. военнообязанных, 3,5 тыс. чел. дезертировали, около 2 тыс. чел. оказались в окружении [20]. Разбежались по пути следования на призывные участки сотни тысяч военнообязанных и в других регионах страны, попав под вражеские бомбардировки с воздуха. Большинство из них призвали в РККА уже после освобождения советской территории.

В целом, в один из самых напряженных периодов оборонительных боев с 1 августа по 15 октября 1942 г. заградительные отряды на всех фронтах задержали 140755 советских военнослужащих, по разным причинам оставивших передовую. Из них были арестованы 3980 чел., расстреляны за трусость 1189 чел., направлены в штрафные подразделения 2961 чел. Значительное большинство – 131094 чел. – возвратились в свои части и на пересыльные пункты, откуда вновь отправлялись на передовую. Необходимость в армейских заградительных отрядах отпала после перехода стратегической инициативы к советским войскам, в условиях коренного перелома в войне, и по приказу наркома обороны СССР № 0349 от 29 октября 1944 г. они были расформированы. Количество дезертиров с фронта на завершающем этапе войны резко сократилось, по сравнению с ее началом.

Практически с первых месяцев Великой Отечественной войны предпринимались меры по борьбе с дезертирством в советском тылу. Работа по розыску дезертиров лежала здесь на районных военкоматах, а также органах НКВД. В специальном письме, направленном 4 июля 1941 г. во все городские и районные отделения внутренних дел, предлагалось с помощью военкоматов, военно-учетных столов милиции и сельских советов устанавливать лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию и Военно-морской флот, принимая срочные меры к их розыску и задержанию. Письмо указывало на возможность появления дезертиров с фронта, из воинских частей, предлагая незамедлительно организовывать проверку и выявлять подозрительных лиц в людных местах, гостиницах, заезжих и частных домах.

Наибольшее сложностей борьба с дезертирством представляла в первый период войны, вследствие, как самого масштаба данного явления, так и отсутствия опыта у правоохранительных органов, состав которых также изменился вследствие ухода многих сотрудников на фронт. В августе 1944 г. в докладе, подводившем результаты борьбы с бандитизмом за три года, начальник Отдела по борьбе с бандитизмом

НКВД СССР А.М. Леонтьев отмечал: «Проведенная с 29 августа по 2 сентября 1941 г. мобилизация населения бывшей Чечено-Ингушской АССР в военно-строительные батальоны Юго-Западного фронта была сорвана. От указанной мобилизации уклонилось и дезертировало из сформированных уже батальонов свыше 1000 человек. Дезертиры и уклонившиеся вооружались и переходили на нелегальное положение» [21]. Позже, в апреле 1942 г. в условиях массового дезертирства и активизации повстанческого движения на территории республики был вообще отменен призыв в армию чеченцев и ингушей.

Сложная картина наблюдалась и в других регионах страны, особенно горных и лесных массивах. 21 ноября 1941 г. прокурор Мостовского района Краснодарского края докладывал о том, что 17 ноября при попытке к бегству был застрелен дезертир Тартышный, 1907 г.р., «в прошлом – сын крупного кулака», отсидевший 8 лет по ст. 58-10 и вышедший из мест заключения только в начале 1941 г. [22]. Таких дезертиров в горах на территории района скрывалось более 100 чел., было поймано и предано суду 35 чел., еще 17 чел. направлены в свои части [23]. В первой половине ноября в Спокойненском районе Краснодарского края насчитывалось 45 дезертиров, а всего с начала войны – 55 чел., большинство скрывалось в лесу [24]. По словам А.М. Леонтьева: «До войны территории Ростовской области не было ни одной действующей бандгруппы, а к сентябрю 1941 г. органами НКВД было выявлено 12 банд со 119 участниками преимущественно из дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной Армии». За вторую половину 1941 г. – январь 1942 г. на территории Новосибирской области органы НКВД ликвидировали 12 бандповстанческих формирований с 279 участниками [25].

26 декабря 1941 г. Л.П. Берия сообщал И.В. Сталину: «В результате принятых мер органами НКВД СССР с начала войны по 20 декабря с. г. в тыловых районах задержано по подозрению в дезертирстве 189137 человек, в том числе: по Ленинградской области – 78196 и по Московской области – 23454 (не считая задержаний военных командиров). Из этого числа задержанных органами НКВД арестовано 39965, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149172 человека. Кроме того, в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД за это же время задержано 448975 человек, из них: арестовано – 42900, передано в войсковые части Красной Армии – 406075. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве 638112 человек, из них: арестовано – 82865, передано в военкоматы и войсковые части – 555247» [26].

С 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г. на территории Ярославской области в ходе проверки документов у 1150204 чел. было задержано 5599 дезертиров из РККА, 2614 лиц, уклонившихся от военной службы

и военного учета, из них арестовано 4545 чел. В ряде районов дезертиры стали создавать банды, оказывавшие сопротивление правоохранительным органам, нападавшие на советские предприятия и учреждения, совершавшие хищения государственной и личной собственности. С декабря 1941 г. в Чухломском районе Ярославской области действовала вооруженная банда дезертиров из 4 чел. во главе с Июдиным, совершавшая налеты на проезжих, прохожих, магазины. Проводимые райотделом НКВД облавы и операции долго не достигали цели. В ходе одной из операций в феврале 1942 г. оперативная группа из 41 чел. потеряла убитыми 8 чел. (включая начальника Чухломского райотдела НКВД Волкова) и ранеными 2 чел. Только 25 февраля бандитов удалось задержать, а их главарь был убит [27].

Основная масса дезертиров скрывалась в сельской местности. В городах систематически проводились проверки с подомовым и подворовым обходом, позволявшие обнаружить дезертиров и лиц, уклонявшихся от воинской службы. Так, в конце декабря 1941 г. в ходе проверки документов в Майкопе было задержано 15 дезертиров и 11 чел. уклонявшихся от мобилизации [28]. На селе документы проверяли реже, а жители могли поверить или притвориться в то, что поверили, что их односельчан отпустили с фронта по состоянию здоровья. Разоблачением грозили только письменные сообщения командиров воинских частей о дезертирстве военнослужащих. Впрочем, если им удавалось затеряться в суматохе боя и попасть в графу «пропали без вести», а воинская часть оказалась в окружении и погибла вместе со всеми документами, вероятность попасться у дезертиров уменьшалась. К тому же сельские жители, как правило, не выдавали «своих» дезертиров, опасаясь мести со стороны родственников [29]. В то же время их осуждали, особенно те односельчане, у кого на фронте воевали, а тем более погибали родные.

Основная масса дезертиров пряталась в лесах, скрывались у родственников и знакомых: в амбарах, подвалах, подполах, на чердаках, охотничьих и промысловых зимовьях, сχροнах, дальних заимках и в других труднодоступных местах. Расплатой за спасение была вынужденная изоляция от общества, ограничения в способах удовлетворения всех основных потребностей, поскольку дезертиры в светлое время редко могли покинуть места своих убежищ. Главную помощь дезертирам оказывали их родственники, близкие и знакомые. Поэтому родственников, скрывавших дезертиров, обычно осуждали на два-три года, как пособников.

К поиску дезертиров в советском тылу были подключены внутренние войска, органы НКВД и НКГБ, включая группы охраны общественного порядка и бригады содействия милиции, прокуратура и другие советские правоохранительные органы. Но успех в борьбе с дезертир-

ством во многом зависел от общественной поддержки, особенно в сельской местности, с традиционно высокой степенью социального контроля. С 1942 г. в приказах органов НКВД постоянно отмечались сельские жители – подростки, женщины, старики, проявившие смелость, решительность и инициативу при задержании дезертиров. Так, 8 мая 1942 г. 70-летняя жительница села Бектышево Переславского района Ярославской области Н.И. Багина, собирая в лесу хворост, заметила шалаш, крытый брезентом и ельником. Вернувшись домой, она немедленно сообщила об этом в сельсовет. В результате были задержаны укрывавшиеся в шалаше дезертиры Дмитриев и Крутов. За «проявление патриотического долга» Н.И. Багина была премирована отрезом на платье. 15 мая дезертир Максимов зашел в деревню Якунино Арефинского района Ярославской области. 15-летний подросток В. Кашпирев, член группы охраны общественного порядка, потребовал у незнакомца предъявить документы, а когда тот бросился бежать в лес, задержал его при помощи старшего брата, младшей сестры и своего ровесника К. Тихонова. Доставив Максимова в сельсовет, они выяснили, что в лесу скрывался еще один дезертир – Соколов. Председатель сельсовета Кириллов с группой в 15 подростков задержал его. Ребят наградили ценными подарками. Поощрен был и 14-летний В. Багров. Собирая ягоды в лесу недалеко от деревни Новое Переславского района Ярославской области, он обнаружил шалаш и немедленно сообщил об этом в районный отдел НКВД. Прибывшая оперативная группа задержала трех дезертиров [30].

В большинстве случаев граждан, обнаруживших дезертиров и участвовавших в их задержании, награждали материальными подарками, особенно ценными вследствие всеобщего дефицита военного времени. Однако вовсе не вознаграждение и его публичная и материальная ценность выступали главным мотивом, побуждавшим граждан включаться в борьбу с дезертирами, тем более что она представляла определенный риск для их собственной жизни. Значительная часть населения осознала, что дезертиры угрожают общественной безопасности, как в конкретном населенном пункте, так и на общегосударственном уровне. Сущность дезертирства как индивидуальной стратегии выживания, несмотря на массовый характер данного явления, неминуемо противопоставляла его обществу, большинство членов которого прикладывало силы для достижения победы на фронте и в тылу, полностью поддерживая власть в данном вопросе. Неслучайно, что наиболее часто содействие в обнаружении и задержании дезертиров оказывали подростки. Вследствие своих возрастных особенностей, они не только легко проникали в труднодоступные места, где скрывались дезертиры, но и являлись одной из наиболее восприимчивых к призывам власти группой населения.

Чтобы избежать фронта граждане, подлежавшие мобилизации, нелегально приобретали документы об освобождении от призыва или увольнении из армии. Так, 10 октября 1944 г. Управление НКВД Ворошиловградской области арестовало 5 работников Ворошиловградского городского военкомата, выдававших фиктивные свидетельства о болезни военнообязанным гражданам и освобождавших их от службы в РККА за взятки в размере от 2 до 10 тыс. руб. Следствие выявило 13 дезертиров и лиц, уклонившихся от военной службы, которых преступники снабдили фиктивными документами. По делу было арестовано 15 чел. Подобные случаи наблюдались по всей стране, различались только размеры и формы взяточничества. В Казахстане, например, брали продуктами, а в РСФСР – в основном, деньгами [31].

Уклониться от воинской службы позволяли и фальшивые документы. При этом поймать людей с фальшивыми документами было труднее, чем с документами, оформленными в военкомате. В ноябре 1944 г. Л.П. Берия докладывал: «НКВД Татарской АССР арестована группа лиц, изготовлявших фиктивные воинские документы об освобождении от службы в Красной армии, отпускные свидетельства, справки о ранении, о нахождении на излечении в госпиталях». Участники преступной группы также изготавливали бланки пропусков на въезд в города СССР и другие документы со штампами и печатями советских учреждений и организаций в целях получения дефицитных продовольственных и промышленных товаров. Инициатором и руководителем группы являлся «арестованный по делу Ахмедзянов Х.Ш., 1908 года рождения, татарин, судимый в 1937 году за подделку документов, дезертир Красной армии, с 1942 года находящийся на нелегальном положении». Всего группа изготовила до 200 фиктивных свидетельств об освобождении от военной службы, за каждое из которых получила от 7 до 14 тыс. руб. За отдельную плату Х.Ш. Ахмедзянов обеспечивал клиентов не только полным набором документов, вплоть до пропуска на проезд в выбранный дезертиром город, но и билетами на поезд, а его люди обеспечивали гарантированную посадку в вагон. Из 200 уклонистов, обеспеченных фальшивыми документами, НКВД смог найти только около 30 чел. [32].

Е. Жирнов, ссылаясь на воспоминания очевидцев, приводит еще один способ уклонения от призыва в действующую армию. По его словам, детей состоятельных родителей арестовывали за выдуманные незначительные преступления и «отправляли в зону общего режима где-нибудь на окраине родного города. Естественно, за взятку. Там их, опять же за мзду, расконвоировали и предоставляли приятную работу. На свободу с чистой совестью они вышли сразу после Победы» [33].

На фронте дезертиров ждала смертная казнь по законам военного времени. Заседание военного трибунала проходило в самые сжатые

сроки и выносило неизменный приговор дезертирам как изменникам Родины: расстрел, который немедленно приводился в исполнение. Дезертиров, пойманных в тылу и не уличенных в совершении каких-либо других преступлений, с учетом раскаяния отправляли на передовую, в штрафные батальоны, чтобы они могли «искупить кровью вину перед Родиной». В целом, смертная казнь применялась примерно в 8–10 % всех случаев дезертирства. У большинства уклонистов, не явившихся в военкомат по повестке или иным способом избежавших призыва в армию, появлялся второй шанс служить Родине, но уже в штрафной роте. К высшей мере наказания приговаривали только за неоднократное дезертирство и дезертирство, связанное с грабежами и другими тяжкими преступлениями. Из-за большого числа дезертиров у следственных органов не хватало времени на тщательное расследование каждого случая. Дела, как правило, велись поверхностно, данные о дезертирстве вписывались в протокол со слов обвиняемого без всякой проверки. Детали побега с фронта, местонахождение оружия и соучастники не всегда выявлялись.

Определенный перелом в борьбе с дезертирством наступил только в конце войны, что было связано как с переломом в ходе боевых действий на фронте, так и с активизацией борьбы с дезертирством в тылу. Тем не менее, дезертирство оставалось одной из серьезных проблем советского руководства вплоть до конца войны. Если в 1941 г. в Бурятии было задержано 22 дезертира и 220 чел., уклонившихся от призыва на фронт, то в 1943 г. – 278 дезертиров и 121 чел., уклонившихся от призыва на фронт, а в 1944 г. – 204 дезертира и 86 уклонившихся. Всего в 1941–1944 гг. были задержаны 811 дезертиров и 485 чел., уклонившихся от призыва на фронт [34]. В Ярославской области к 10 сентября 1943 г. оставалось значительное количество дезертиров, скрывавшихся в лесах и различных населенных пунктах. В Рыбинском районе насчитывалось 87 дезертиров, в Даниловском – 31 чел., в Нерехтском – 27 чел., в Ростовском – 23 чел., в Костромском – 20 чел., Ярославском сельском – 20 чел. В 1944 г. в Сталинградской области было обнаружено 6 тыс. дезертиров, что, во многом, было связано с прошедшими здесь боевыми действиями. В Мордовской АССР за годы Великой Отечественной войны было призвано 241 тыс. чел., из них погибло 130960 чел. За дезертирство в республике были арестованы 4715 чел. [35].

В июле-сентябре 1944 г. по всей стране органы НКВД, НКГБ, прокуратуры и военной контрразведки «Смерш» провели совместную широкомасштабную операцию по выявлению дезертиров и уклонистов. В ходе операции было задержано 170757 чел., в том числе 87923 дезертира и 82834 уклониста от воинской службы. 104343 чел. были переданы в райвоенкоматы и затем пополнили ряды РККА,

33954 чел. были арестованы, а 181 чел. убит при оказании сопротивления [36].

В целом, дезертиры и уклонисты составляли меньшинство советского населения. В ином случае СССР просто не смог бы выиграть войну, недаром получившую название Великой Отечественной. Тем не менее, их количество за годы войны оказалось достаточно значительным, составив, по разным оценкам, от 1,7 до 2,5 млн чел., включая военнослужащих, которые перешли на службу к противнику. При этом по статье «за дезертирство» были осуждены только 376,3 тыс. чел., а 212,4 тыс. дезертиров, объявленных в розыск, найти и наказать так и не удалось [37].

Необходимо отметить, что дезертирство было присуще и другим странам-участницам войны, особенно в условиях нарастания кризисных явлений. В Третьем рейхе дезертирство приняло массовый характер тогда, когда стала очевидна неизбежность его краха, а общее количество дезертиров за время войны составило 3,5 млн чел.

В послевоенные годы в СССР дезертиры и уклонисты продолжали скрываться в лесных и горных массивах, других труднодоступных районах страны, а их поиск еще несколько лет активно вели советские правоохранительные органы. Отбывшие наказание дезертиры, как и члены их семей, продолжали подвергаться общественному ostrакизму. В селе им поручали наиболее тяжелые и хуже оплачивавшиеся работы, увеличивали нормы продовольственного налога, в городе ограничивали в продвижении по службе и награждении, лишали права на доступ к социальным льготам. Поэтому нередко они вместе с семьями перебирались на другое место жительства, где не знали об их прошлом.

Только через двадцать лет после Великой Отечественной войны была объявлена амнистия. Но отдельные дезертиры, не зная об этом, еще долго продолжали скрываться в подполах и на чердаках у своих близких и родственников. Судьбу Н. Тонких, просидевшего 20 лет на чердаке родительского дома в деревне Битюг-Матреновка Воронежской области, с 1942 до 1962 гг., описал В. Песков [38]. В селе Онишполь в Полесье в погребе родительского дома скрывался Н. Халимовский. Призванный в 18-летнем возрасте в войска 1-го Украинского фронта в конце 1943 г., он после первого налета «юнкерсов» убежал домой, бросив винтовку. Неграмотные родители не выписывали газет, а от радиоточки отказались, опасаясь, что монтер заметит сына. Только в конце 1960-х гг. дезертира обнаружил неожиданно нагрянувший в гости дальний родственник, партийный работник. М. Дятченко просидел на чердаке собственного дома в селе Медведовка Черкасской области 45 лет, вышел на свет только в 1990 г., после смерти сестры, приносившей ему еду и газеты [39]. Своеобразный рекорд поставил Я. Пинупс из деревни Котлери Пелечской волости Прейльского района

Латвии. Получив контузию в бою, он самовольно вернулся домой в 1944 г. Скрывался сначала в лесу, затем перебрался в хлев, вырыв землянку прямо в навозе, а когда семья построила новый дом, перешел в старый. Срок добровольного заточения составил более 50 лет, с 1944 г. по 1995 г. [40]. Страх за свою жизнь переродился в опасения наказания со стороны советского режима, преодолеть которые часть дезертиров оказалась уже не в силах.

Примечания:

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 30.
2. Гражданская война 1918–1921 гг. М., 1928. С. 83.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 134.
4. Гражданская война 1918–1921 гг. С. 84.
5. Жирнов Е. «Многочисленные случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения» // Коммерсантъ-Власть. 2004. № 37 (590). 20 сентября.
6. См.: Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002. Т. 2. С. 109.
7. Павлюкович В.П. История развития законодательства о дезертирстве до принятия Уголовного кодекса РФ // За права военнослужащих. 2005. № 3.
8. Сувениров О.Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009. С. 538–539.
9. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.
10. Фролов Ю. Изучение человека-бойца. М., 1926. С. 43–44.
11. Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009. С. 328.
12. 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 472–473.
13. Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 89.
14. Гланц Д. Указ. соч. С. 102.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 710. Д. 59. Л. 4.
16. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 59. Л. 4.
17. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.
18. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.
19. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар, 2000. Кн.1.: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 332–333.
20. Там же. С. 365.
21. Жирнов Е. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста» // Коммерсантъ-Власть. 2011. 11 апреля. № 14 (918).
22. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–120б.
23. ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 58.

24. ГАКК. Ф. Р.-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.
25. Жирнов Е. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста».
26. Там же.
27. Волков А.Е. В борьбе с дезертирством. URL. [http:// www. uvdyar. ru/velikaya_otechestvennaya_vojna-print.htm](http://www.uvdyar.ru/velikaya_otechestvennaya_vojna-print.htm).
28. ГАКК. Ф. Р.-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.
29. Дьячков В.А. Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям современников – сельских жителей) // Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа – по архивным документам. Тезисы докладов и науч. сообщений. участников конф. М., 1995. С. 70.
30. Волков А.Е. Указ. соч.
31. Жирнов Е. Указ. соч.
32. Жирнов Е. «Многочисленны случаи дезертирства, симуляции и самоизувечения»
33. Там же.
34. Министерство внутренних дел Республики Бурятия. На страже общественного порядка Бурятии. Улан-Удэ, 2002.
35. Скворцова Л.Г. Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны. Дисс... канд. ист. наук. Саранск, 2004.
36. Зефиоров М.В., Дёгтев Д.М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009. С. 376–377.
37. Там же. С. 378.
38. Песков В. Дезертир // Шаги по росе. М., 1963.
39. Отшельник с чердака. URL. <http://bibliotekar.ru/divo/30-3.htm>.
40. Латышский дезертир 50 лет просидел в подполье, скрываясь от советской власти. URL. <http://vlasti.net/news/96419>.

UDC 93

«WORSE THAN A FOE...»: DESERTION IN USSR ON THE EVE OF GREAT PATRIOTIC WAR AND IN WARTIME

Evgeny F. Krinko
Doctor of History, Leading Researcher
Southern scientific Center RAS
Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

The article analyses desertion as a criminal strategy of Soviet citizen survival on the eve of Great Patriotic War and in wartime, discloses the reasons and consequences of military service evasion, major trends and results of struggle against desertion.

Keywords: Great Patriotic War, military service, desertion, Red Army, strategy of survival.